

ХРАНИТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

1.

Вера Игнатьевна Скворцова, заведующая отделом научно-популярного журнала, устроила себе командировку на Север. Она собиралась написать очерк о приливно-отливной электростанции, построенной в губе Кислой Кольского залива. Во всяком случае, так было указано в командировочном задании. На самом деле в этой поездке для Веры Игнатьевны был особый смысл. В последнее время ей часто стал сниться родной город, в котором она так давно не была, и Антон. Зарождалось необъяснимое чувство тревоги, тем более странное, что в предчувствия она не верила.

Поезд Москва-Мурманск уходил поздно вечером. Командированную даму ждало двухместное купе в спальном вагоне первого класса - удобства она любила и денег на них не жалела, тем более что деньги были. Человек организованный, аккуратный и ответственный, Вера Игнатьевна, никогда никуда не опаздывала и явилась на вокзал чуть ли не за час до отправления. Как обычно, муж провожал ее, и теперь они стояли на скупое освещенном перроне и томительно молчали. Что значительного могли сказать друг другу люди, прожившие вместе два десятка лет и расстающиеся на неделю?

Моросил дождь. Вереница серо-зеленых вагонов походила на гигантскую змею, замершую на рельсах перед броском. В квадратах вагонных окон туда-сюда двигались люди, беззвучно шевеля губами. Они уже жили другой жизнью, в которой появилась новая физическая величина - движение в замкнутом пространстве, и, казалось, говорили на неведомом "дорожном" языке.

В какие бы дальние города не случались командировки, Вера Игнатьевна поезд предпочитала самолетам. Летать она не любила и даже немного побаивалась: раздражали вечные задержки и перетасовки рейсов, неудобство узкого салона, беспомощность и полная зависимость от какого-то неизвестного человека, сидящего в кресле пилота. Время же, проведенное в поезде, она предвкушала с детской радостью. Редкий человек не чувствует беспричинного облегчения при слове "поехали!" *Что* сброшено, *что* осталось позади - ответственность, хлопоты, нежные объятия - об этом никто не думает. Главное, все это уже было, но впереди - и человек вдруг начинает это отчетливо сознавать - что-то будет. Поэтому уезжающие, даже навсегда, как правило, не ощущают утраты, зато ее очень остро чувствуют провожающие: ведь один остается в прошлом, а другого ждет будущее.

Вечно тоскующие о несбыточном, не способные изменить себя и свою жизнь усилием воли, как многого мы ждем от физической перемены места! Надежды чаще всего не сбываются, но разве можно запретить надеяться? В движении - когда идешь или едешь, а значит, пребываешь в праздности - особенно хорошо думается, и мысли приходят все больше высокие - о смысле жизни. Вагон - качающийся гулкий дом - на время становится целой вселенной, случайной, как жизнь, у истоков которой никто не имеет выбора.

Однако вагонный мир тем и притягателен, что он не на весь отпущенный тебе срок, а всего на несколько дней, это как бы эксперимент, который всегда можно прекратить. Потом те, кто сидят сейчас друг против друга на расстоянии вытянутой руки, затеряются среди людей и никогда не встретятся. Раскрепощенные осознанием близкого конца этого мини-мира, люди много и откровенно говорят - все равно забудется. Можно расслабиться, не испытывать неловкости и не бояться опоздать. На день-два судьба обманута и никого не настигнет раньше, чем на конечной станции.